

Арсендейл
Романа
Злотникова

Арсендейл

Терцос Арсендейл

Арсендейл. Император людей

Арсендейл. Дерзкий рейд

Арсендейл. Долгое море

РОМАН
ЗЛОТНИКОВ

Арвендейл
дерзкий рейд

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-68

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Злотников, Роман Валерьевич.
3-68 Арвендейл. Дерзкий рейд / Роман Злотни-
ков. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-99504-2

Долгожданное продолжение приключений Троя, герцога Арвендейла, и его друзей.

Темный бог орков низвержен, но их чудовищная орда все еще занимает столицу Империи людей, блистательный Эл-Северин. Как освободить город и спасти остатки его жителей? Как не допустить того, чтобы изгнанные из столицы орки не прошли безжалостным катком по уцелевшим провинциям Империи?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Злотников Р.В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

ISBN 978-5-699-99504-2

— **С**тоять, самка!

Молодая, но весьма грузная орчанка, одетая в традиционную синюю женскую накидку, богато украшенную блестками, золотой вышивкой и заколками с драгоценными камнями, резко развернулась и уставилась на воина, перекрывавшего лестницу, яростным взглядом.

— Что-о-о? Ты видно забыл, кто я такая, воин! Тебе напомнить?! — после чего так полыхнула взглядом, что старый, опытный боец, прошедший не одну схватку (а другие в Священную тысячу и не попадают), невольно отшатнулся.

— Так это... — слегка смешавшись, начал он. — Там же того... ритуал... шаманы... Великий Хылаг повелел никого не пускать... ну покамест не закончат...

— Он тебе сам это повелел? — ядовито осведомилась стоящая перед ним орчанка. Богатство материала накидки и сложный орнамент покрывающей ее вышивки явственно показывали, что она не просто самка, а жрица самой Шиг-Хаоры. Причем явно немаленького ранга... Впрочем, никакими «явственно» и «причем» тут и не пахло. Потому что воин, несший

охрану на нижней ступени лестницы, ведущей к храму Матери орков, отлично знал ту, что сейчас набросилась на него с такой яростью. — Лично?

Орк недовольно заворчал. Эта... эта... эта *самка* умела ужалить языком, не хуже змеи-песчанки, которых вокруг Ахлыг-Шига водилось довольно много. Ведь знает же, что Великий Хылаг никогда не снизойдет до того, чтобы приказать что бы то ни было простому воину. Пусть даже и состоящему в Священной тысяче. Приказ никого не пускать отдал ему его десятник. А тому — сотник. А тому — тысячник Священной тысячи. А вот уже ему приказ мог отдать и Великий Хылаг. Да и то вряд ли. Скорее всего, это повеление донес до тысячника один из шаманов, входящих в свиту Великого.

— Нет, — сердито пробурчал он, стараясь не смотреть в глаза разъяренной самке. Эх, как же хорошо ему жилось в родном стойбище. Там все было устроено по заветам предков. И ни одной самке никогда бы не пришло в голову посметь разинуть рот на воина. А если бы и пришло... Да ее даже жрать бы не стали. Нахрен брать в рот всякую гадость! И зачем он согласился войти в Священную тысячу? Еще и честью считал, дебил! Нет, города — это зло. Как, впрочем, все, что исходит от людишек. Они — мясо, и точка. И перенимать от них что бы то ни было: города, дороги, корабли, письменность и уж тем более вот такую вот большую свободу для самок — суцая глупость...

— Тогда — прочь с дороги! — рявкнула орчанка. — Это — храм Шиг-Хаоры, а я — ее жрица. Никто не

смеет препятствовать жрице Величайшей прикинуть к ногам богини!

Боец снова глухо заворчал и бросил отчаянный взгляд за спину орчанки. Ну что ты будешь делать — никого! Ни разводящего, ни начальника караула. Ну, еще бы — дураков становиться поперек характера Злобной Гужбе, Старшей жрице Шиг-Хаоры и дочери самого Великого Хылага в Священной тысяче было немного. И никто из начальников попавшего ей под горячую руку часового к таковым совершенно точно не относился. Так что даже если они в настоящий момент и имели сомнительное удовольствие наблюдать происходящее, у них явно хватило ума не появляться. Но ему-то что теперь делать? Не пускать? Так ведь вообще со свету сживет! Всем в Священной тысяче было известно, что эта тварь жутко злопамятна. И сил у нее вполне достаточно. Ну да иначе хрен бы она стала Старшей жрицей Шиг-Хаоры. Несмотря на все свое родство с Великим... Нет, в младшие жрицы он бы, скорее всего, сумел бы дочурку пропихнуть. Сколько бы у нее силы ни было. Если бы, конечно, захотел. В чем, кстати, были сильные сомнения. Ибо несносный характер Злобной Гужбы явно доставлял немало проблем и самому Великому... Но вот старшие ранги в жреческой иерархии определялись только уровнем силы, которым жрец или жрица могли оперировать. И слабосилку в Старшие жрицы никто бы не произвел. И никакие семейные связи не помогли бы. Впрочем, настолько глубоко воин не заглядывал. Он точно знал, что Злобная Гужба, несмотря на всю свою молодость и женскую сущность, зараза еще та.

И становиться у нее на пути — верный способ поиметь множество неприятностей. А начальства, на которого можно было бы скинуть стоящую перед ним большую проблему в синей накидке, поблизости не наблюдалось. Поэтому он тяжело вздохнул, бросил еще один тоскливый взгляд в сторону караулки и нехотя отодвинул тяжелый боевой ассегай Священной тысячи, открывая этой злобной гадюке путь на лестницу, ведущую к храму. Та напоследок окинула его злым взглядом, на счастье бойца больше ничего не сказав... Затем подобрала подол накидки и быстро двинулась вверх по лестнице. Похоже, она действительно торопилась.

— Да чтоб тебя духи прокляли, — пробормотал воин, когда синяя накидка исчезла за поворотом лестницы, после чего опустил пятку ассегая на землю и грузно оперся на него. Вот стой теперь и гадай, чем обернется подобное неисполнение приказа? Если эта своенравная дочка Великого принесет отцу какую-нибудь важную весть — так, может, и ничем. А если опять устроит отцу дикий скандал, на которые она, как всем в Ахлыг-Шиг было давно известно, являлась великой мастерицей — так и могут сквозь строй прогнать! Получить по хребту древками тяжелых ассегаяев целой сотни — удовольствие ниже среднего. Несмотря на то, что у орков шкура куда как толще, чем у этих дохлых людишек, даже им после подобного светит дня три, а то и четыре, отлежки. А ведь он уже выпросил у десятника после сегодняшней смены четыре дня отпуска. Собирался сгонять в родное стойбище. Его племя этой весной перекочевало в среднее

течение Помака, так что стойбище его рода сейчас располагалось не очень-то далеко отсюда... И провести эти четыре дня, отлеживаясь в казарме, после того, как тебя прогнали сквозь строй, ему совсем не улыбалось.

Между тем ритуал в храме Шиг-Хаоры шел своим чередом. Верховный шаман Хылаг, старший советник Великого вождя Гыхага, только три месяца назад сменившего на этом посту прежнего Великого вождя Ыжанга, скинул с жертвенного алтаря останки очередной жертвы и мотнул головой, давая команду двум шаманам-помощникам тащить следующее тело. Помощники молча подтащили жертву к алтарю и привычным движением бросили ее на плиту алтаря. Жертва придушенно вякнула и осталась лежать, безвольно свесив голову набок... По древним канонам жертва, приносимая Шиг-Хаор (как, впрочем, и любому другому Темному богу), должна была быть в полной силе и здравом уме, а разделять ее требовалось так, чтобы она при этом визжала и извивалась от боли, но соблюдать эти каноны перестали еще лет двести назад. При Верховном шамане Нхрыге. Уж больно кровавым и напряжным являлся организованный по канонам процесс... Нет, чуть позже, при Дыхгаге, сменившем Нхрыга на посту Верховного, опять возвратились к древним канонам. Но ненадолго. Только на время, пока Верховным шаманом был сам Дыхгаг, который прославился среди вождей и шаманов не только приверженностью древним традициям, но и крайними неуживчивостью и твердолобостью. Поэтому и сдох... Хотя — официально —

Верховный шаман всех орков Дыхгаг ушел к Матери вследствие несварения желудка, на самом деле все было не совсем так. То есть... м-м-м-м... произошедшее с этим твердолобым фанатиком действительно можно было трактовать как несварение желудка. Ну, с некоторой натяжкой... Потому что какой желудок способен справиться с тремя ладонями орочьего сплава, проникшими в него снаружи? Вот и произошло несварение... А вот не надо было открыто пенять в глаза уважаемым оркам — родовым вождям, шаманам племен и городов, а также жрецам и жрицам в том, что они-де забыли заветы предков, изнежились и начали подражать никчемным людишкам, чье предназначение в глазах настоящего орка может быть только одно — быть добрым мясом на его зубах... После чего древние каноны были упрощены окончательно... К тому же, если делать все, как указано в тех старых канонах, богатые одеяния Верховного шамана, выполненные из драгоценного разургарайна и украшенные искусной вышивкой и золотыми фигурками людей, животных и духов-олицетворений, после ритуала годились бы только на выброс. А проводить ритуал одетым в отрепья, будто он являлся не Верховным шаманом орков, а каким-нибудь походным шаманом мелкой разбойничьей ватаги, Хылаг не собирался. Не по чину это... Так что и сегодня все шло вполне установившимся и привычным порядком. То есть перед ритуалом жертву опоили крепкой маковой настойкой, приводя ее в такое состояние, когда той было все равно, что там с ней происходит. Эвон как помощники шмякнули опоенное тело об камень,

а оно только мявкнуло, и все... И сам Верховный, а также и его помощники был, как обычно, облачен в богатые одеяния, укрытые, правда, толстыми кожаными передниками. Все-таки жертвоприношение, даже если жертвы опоены и не способны сопротивляться, — достаточно кровавый ритуал... Ну и ручки ритуальных жертвенных ножей из обсидиана были аккуратно обернуты кожаными ремешками. Чтобы не ранить руки. Всем же культурным оркам понятно, что эти бредни насчет «окропить алтарь кровью жертвы, смешанной с кровью орков», — суть всего лишь глупости темных и ничего не понимающих предков, не имеющие никакого отношения к реальности. Древние орки жили трудно и кроваво, поэтому и напридумывали себе всяких уродских ритуалов с элементами садизма и мазохизма. Но зачем им, их умным и образованным потомкам, тупо заниматься тем же самым?

Верховный шаман отработанным тысячами повторений жестом вскинул вверх руку с зажатым в ней жертвенным ножом, а затем столь же привычным движением резко опустил его вниз, одним махом развалив грудную клетку жертвы, наконец-то ставив ее скорчиться от боли.

— Эхмаг-га! — громко взревели ритуальную аккламацию Старшие шаманы, стоявшие полукругом перед Троном Шиг-Хаоры, и сразу же затащили очередную литию, под звуки которой Хылаг погрузил лапу в разрубленную грудь и, стиснув сердце жертвы, корчившейся от боли, резким рывком вырвал его. После чего аккуратно отодвинул от тела стиснутый

кулак со все еще бьющимся сердцем (ну, чтобы брызги крови не попали на богатое одеяние) и, сделав шаг вперед, столь же аккуратно-привычным жестом уронил его в жаровню, над которой билось Темное пламя...

— Эхмаг-га! — снова взревели шаманы. А Верховный отступил на шаг и зорко взгляделся в пламя. То принялось нехотя облизывать брошенное в чашу человеческое сердце, постепенно наливаясь цветом... Да уж — сколько они провозились, пока смогли вновь его зажечь... Сорок дней, сорок проклятых дней, длился ритуал. Подушную подать пришлось поднять в десять раз. Огромные загоны для мяса, расположенные в Ахлык-Шиге, пустели за сутки! Запас обсидиановых ножей, которые по древней традиции изготавливал только один орочий род, кочующий у Черной горы, почти полностью исчерпался. А как иначе-то? Вулканическое стекло — это не орочий сплав. Оно куда хрупче, и его нельзя заточить. Так что стоило лезвию чуть затупиться, как одно неловкое движение уставшей руки лишало храм еще одного ножа. А таких неловких движений за эти сорок дней случилось много. Потому что, для того чтобы орудовать ритуальным обсидиановым жертвенным ножом, нужна большая сноровка, каковой в столице обладало всего около десятка шаманов. А при той бешеной работе у алтарей их всех не хватало даже на одну смену. Потому что ритуал возжжения Священного огня требовал настоящей гекатомбы! Так что к жертвенному алтарю встали все, кто хоть что-то мог. Вот ножи и полетели как ласточки. А ведь тот род делал всего по две

дюжины ножей в год. Впрочем, обычно их не только вполне хватало, но и за прошедшее время был накоплен довольно большой запас. Который за эти сорок дней весь и ушел.

— Крак! Хресь! Шлыс-с-с... — во вторую чашу полетели почки и печенка.

— Эхмаг-га! — рев шаманов вновь разнесся над Ахлыг-Шигом. Верховный же продолжал работать как гребец на боевой галере — язык, глаза, селезенка, левая голень... Сотня ударов сердца, и он вновь повернулся к шаманам-помощникам и мотнул подбородком. Те подхватили новое тело и ловко бросили его на склизкую от крови множества предыдущих жертв поверхность алтаря.

Когда была разделана последняя жертва, Хылаг устало повернулся и уставился на два язычка Темного пламени, трепетавшего над чашами. Получилось или нет? Вроде как язычки пламени стали чуть-чуть крупнее и темнее. Но все равно, по сравнению с тем, каким пламя было до того, как... Верховный зло скрипнул зубами. Проклятые человечешки! Все они такие гнусные, подлые, скрытные, всегда готовые испортить, словчить, предать. Как бы ему хотелось уничтожить их всех!

Между тем площадку перед Троном Шиг-Хаоры начал заполнять легкий гомон голосов. Все, участвовавшие в ритуале, устали. Возможно, не так, как Хылаг, на которого пришлась основная нагрузка, но тоже довольно сильно. Хотя это еще надо посмотреть... Хор Старших шаманов, например, торчал перед Троном, выводя гимны Матери орков, всю ночь.

А помощникам Верховного пришлось волочь жертвы на верхушку скалы на своем горбу. Опоенные сами идти не могли...

— Ты снова резал опоенных!

Верховный дернулся как от удара. Ну вот опять... Он повернулся и, слегка сторбившись, махнул лапой, давая сигнал остальным участникам только что закончившегося ритуала о том, что они могут быть свободны. Шаманы, насупившись, окинули злобыми взглядами грузную фигуру в синей женской накидке, внезапно объявившуюся на верхней площадке лестницы, после чего неплотной гурьбой потянулись в сторону спуска, на ходу продолжая переговариваться и неодобрительно покачивая головами.

Дождавшись, пока спина последнего из них скроется за обрезом лестницы, Верховный шаман всех орков резко развернулся и сумрачно уставился на ту, которой здесь быть совершенно не должно.

— Как ты прошла?

Гужба высокомерно хмыкнула.

— Кто посмеет остановить Старшую жрицу Шиг-Хаоры, которой необходимо было припасть к стопам Величайшей?

— Значит, ты опять задурила голову охранникам и прорвалась через воинов Священной тысячи, — вздохнул Хылаг. — Ну как ты не понимаешь? Подобными поступками ты делаешь только хуже. Причем нам обоим. Благодаря тому, что ты не считаешь для себя зазорным нарушать вековые запреты, на меня уже косятся и вожди, и Совет шаманов. А если я потеряю должность...

— Во-первых, хрен ты что потеряешь — твоя должность пожизненная... — криво усмехнувшись, начала его дочь.

— У Дыхгага была такая же, — прервал ее спич Верховный, вернув ей не менее кривую усмешку. — Но его, как ты знаешь, все равно... забаллотировали. Хотя и особым образом, так сказать.

Но его кровиночку было не так-то просто сбить с мысли. Поэтому она спокойно закончила:

— ...а насчет нарушения запретов — должна тебе сказать, что такая уж у меня наследственность, отец.

Хылаг побагровел. Ну вот кто ее тянет за язык? Ему и так удалось замять тот скандал с огромным трудом. И вот ведь удивительно, помогло ему в этом как раз то ужасное событие, благодаря которому скандал и разгорелся. А именно — потухшее Темное пламя. Шаманов, умеющих проводить ритуалы подобного рода и обладающих для этого достаточной силой, никогда не было много. Максимум трое-четверо в поколение. А в тот момент в Ахлыг-Шиге в наличии вообще был только один он. И потому именно он первым почувствовал изменение магического фона. Хотя и не сразу понял, чем это вызвано. То есть в первый момент он вообще посчитал, что это последствия ритуала по развоплощению короны Марелборо. Типа, сильный артефакт враждебной направленности при разрушении ударил откатом... Даже еще порадовался, что не поддался тщеславию и не стал лично участвовать в долгой литании, являющейся частью многодневного ритуала развоплощения, представив каково бы было ему, как высокопоставленному Посвященному